

Десять ответов на статью Майкла Дэвид-Фокса

Ten Responses to Michael David-Fox's Article

Тимур Атнашев (Институт общественных наук РАНХиГС; старший научный сотрудник Центра публичной политики и государственного управления; старший преподаватель; PhD) timur.atnashev@gmail.com.

Энди Байфорд (Даремский университет; старший преподаватель Института современных языков и культур; PhD) andy.byford@durham.ac.uk.

Михаил Велижев (НИУ ВШЭ; профессор Школы филологии факультета гуманитарных наук; кандидат филологических наук, PhD) nun.ce.problema@gmail.com.

Брюс Грант (Нью-Йоркский университет; профессор кафедры антропологии; PhD) bruce.grant@nyu.edu.

Майкл Дэвид-Фокс (Джорджтаунский университет; профессор Школы международных отношений имени Эдмунда А. Уолша и кафедры истории; НИУ ВШЭ; научный руководитель Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий; PhD) md672@georgetown.edu.

Катриона Келли (Оксфордский университет; профессор русистики факультета средневековых и современных языков; D.Phil.) catriona.kelly@new.ox.ac.uk.

Кирилл Кобрин («Неприкосновенный запас»; редактор; кандидат исторических наук) kirill.kobrin@gmail.com.

Стивен Ловелл (Кингс-колледж (Лондон); профессор кафедры истории; PhD) stephen.lovell@kcl.ac.uk.

Александр Марков (МГУ; ведущий научный сотрудник отдела христианской культуры Института мировой культуры; РГГУ; профессор факультета истории искусства; интернет-журнал «Гедтер»; научный руководитель; доктор филологических наук) markovius@gmail.com.

Дуглас Роджерс (Йельский университет; доцент кафедры антропологии; PhD) douglas.rogers@yale.edu.

Timur Atnashev (School of Public Policy, RANEPa; senior researcher, School of Public Policy; senior lecturer; PhD) timur.atnashev@gmail.com.

Andy Byford (Durham University; senior lecturer, School of Modern Languages & Cultures; PhD) andy.byford@durham.ac.uk.

Mikhail Velizhev (HSE; professor, School of Philology, Faculty of Humanities; PhD) nun.ce.problema@gmail.com.

Bruce Grant (New York University; professor, Department of Anthropology; PhD) bruce.grant@nyu.edu.

Michael David-Fox (Georgetown University; professor, Edmund A. Walsh School of Foreign Service and Department of History; HSE; academic supervisor, The International Centre for the History and Sociology of World War II and Its Consequences; PhD) md672@georgetown.edu.

Catriona Kelly (University of Oxford; professor of Russian, Faculty of Medieval and Modern Languages; D.Phil.) catriona.kelly@new.ox.ac.uk.

Kirill Kobrin (NZ; editor; PhD) kirill.kobrin@gmail.com.

Stephen Lovell (King's College London; professor, Department of History; PhD) stephen.lovell@kcl.ac.uk.

Alexander Markov (MSU; leading researcher, Institute of World Cultures, Department of Christian Culture; RSUH; professor, School of Art History; Gедter online magazine; academic supervisor; D. habil.) markovius@gmail.com.

Douglas Rogers (Yale University; associate professor, Department of Anthropology; PhD) douglas.rogers@yale.edu.

скую революцию и Гражданскую войну как «жизнь в катастрофе» (название его книги 2001 года). Это можно спроецировать на понимание модерности в целом — как в России, так и в Советском Союзе. Разумеется, определение ее как «катастрофы», как ставшего нормой «чрезвычайного положения», как бури, оставляющей после себя горы руин и обломков, не отражает всей ее сущности. Она должна включать в себя все «лица модерности», по словам Матееи Калинеску. Не менее ощутимым был дух жизненной динамики и возможностей — даже в самые бедственные времена российской и советской истории. Суть в том, что эти многочисленные обличья составляют одно целое, прогресс и разрушение взаимно переплетаются.

Возможно, это не то направление, в котором размышляет Дэвид-Фокс, однако сказанное не противоречит его акценту на связях и взаимодействиях во множественном мире. Эти доводы могут также показаться ему чересчур политизированными. Он напоминает, какой ущерб нашей трактовке российской и советской истории нанесли идеологии прошлого и настоящего. Конечно, есть политическая составляющая в понимании модерности как катастрофы, как чрезвычайного положения, на которое мы перестали обращать внимание, как истории нанесенных ран — ведь история эта не кончена. Это политика исторического анализа, по-прежнему нам необходимая, если наша работа имеет целью что-то иное, помимо отвлеченной науки ради нее самой. Но политическая окраска такой точки зрения, желательна она или нет, не делает аргументацию менее жизнеспособной для понимания прошлого как такового, поскольку дает нам возможность вслушаться в голоса множества людей, переживших это прошлое на своем непосредственном личном опыте.

Пер. с англ. Татьяны Пирусской

Тимур Атнашев, Михаил Велижев

Семья модерности и кривая тесина русской истории

Timur Atnashev, Mikhail Velizhev

The Modernity Family and the Crooked Timber of Russian History

Стимулирующая и ясно написанная статья Майкла Дэвид-Фокса посвящена одному из центральных сюжетов исторических и социальных наук — модерности и модернизации. Радикальные трансформации общественных отношений в ведущих странах Западной Европы и США с конца XVIII до середины XX века выступают основным предметом эмпирических исследований и теоретической рефлексии. В этот период экономическая наука (Рикардо, Смит, Маркс, Кейнс, Полани и др.) и затем социология (Конт, Дюркгейм, Зомбарт, Вебер, Сорокин и др.) обретали дисциплинарную самостоятельность. В этом

смысле мы можем говорить, что проблематика модерности — фундамент современных «западных» наук об обществе, а российский случай следует рассматривать в глобальном контексте. В своем обзоре Дэвид-Фокс предлагает оригинальную систематизацию теоретических подходов в работах исследователей Российской империи и СССР, которые адаптировали к истории базовый концептуальный аппарат социальных и экономических наук, разработанный для осмысления трансформации наиболее развитых стран Западной Европы и США. Хорошо осознавая этот перенос и связанные с ним ограничения, он описывает диалог между исследователями модерности и модернизации в нескольких странах (Англия, Голландия, с некоторыми оговорками Франция и США), с одной стороны, и историками Российской империи и Советского Союза, с другой.

Во второй части статьи к диалогу подключаются сравнительные и транснациональные исследования, в которых интерпретируется история юга, востока, центра и севера географической Европы, а также капиталистических стран «второго эшелона» — Германии, Италии и Японии (здесь мы используем терминологию мир-системного анализа, исключенного из рассмотрения в обзоре, но косвенно представленного в семье «переплетенных модерностей» («*entangled modernities*»)). Еще более открытую перспективу дают работы о модернизационных траекториях развивающихся стран в XX веке. Дэвид-Фокс достаточно четко дисквалифицирует идею «отсутствующей модерности» («*no modernity*») в применении к истории СССР и дореволюционной России и показывает увлекательную диалектику и своеобразное генетическое вызревание понятийного аппарата модернизации, понимаемой как объективный процесс, и модерности, интерпретируемой как намеренная трансформация общества. На достаточно высоком уровне абстракции мы обнаруживаем несколько динамических переходов и дилемм. Мы видим переход от жесткой дихотомии «модерность» (с явной положительной или «нормализующей» коннотацией) — «традиционализм» (с явно негативным значением) к размагничиванию нормативных полюсов, когда модерность может рассматриваться как источник и нормы, и дисфункции. Мы также наблюдаем дилемму выбора между скорее благожелательной оценкой эпохи индустриализации в СССР как периода своеобразной модернизации (Стивен Коткин) и явно критической оценкой этого времени как возрождающего архаические или традиционные институты Российской империи, такие, как сословия и рабский труд (Шейла Фицпатрик).

Автор убедительно и последовательно подводит нас к мысли о том, что прямая нормативная маркировка модерности как позитивного образца и традиции как негативного образца не вполне соответствует реальной сложности российской и советской истории. Впрочем, возрождение рабства в Новое время и прямо связанное с ним возникновение концепции *laissez-faire* во Франции XVIII века (Блейк Смит) также указывают на неоднозначно «позитивный» характер эволюции в Западной Европе¹¹ наряду с гораздо лучше отрефлексированной катастрофой модерности в Германии первой половины XX века.

Второй существенной методологической новацией, которую уже вполне явно поддерживает Дэвид-Фокс, является понимание сложности и множественности феномена модерности с точки зрения его основных характеристик.

11 Мы благодарны Николаю Поселягину за указание на значимость темы рабства в контексте нормативных коннотаций модерности.

Эта позиция предполагает отказ от жесткой и цельной системности в понимании модерности. Современность, с одной стороны, включает несколько различных и одновременно значимых аспектов, а с другой стороны, подразумевает наличие сложной цепочки взаимовлияний между соседними или иначе связанными друг с другом странами. Транснациональные трансферы усложняют и существенно модифицируют условно линейную или стадийную логику, унаследованную нами из второй половины XVIII и XIX веков. Как нам кажется, включение некоторых ключевых аргументов мир-системного анализа, подчеркивающего асимметрию, глобальную конкуренцию и взаимовлияние между государствами, лишь усилило бы аргументацию Дэвид-Фокса.

В статье не случайно возникает понятие, выполняющее в период модернизации одновременно методологическую и общественную функцию, — «особый путь», «special path» или «Sonderweg». В интерпретации Дэвид-Фокса концепт «особого пути» наделяется значимостью в контексте обсуждения множественных модерностей («multiple modernities»). Вслед за Мартином Малиа Дэвид-Фокс утверждает, что термин «Sonderweg» корректнее использовать именно во множественном числе — «Sonderwege» или «особые пути», обосновывая точку зрения, согласно которой распространенная схема европейского развития, выросшая из оппозиции «цивилизированный центр *vs.* варварская периферия» (российская или немецкая), требует радикального пересмотра. Идея «особого пути» фактически нивелируется производным от нее множественным числом: наличие «особых путей» развития обесмысливает использование концепта — если каждая нация обладает своим особым типом развития, то понятийная пара «нормальный / особый путь» автоматически теряет релевантность. В таком случае всякая модерность является автономной, модерностей много и никакой «образцовой модерности» не существует. В заключение этой реплики мы постараемся предложить перспективу более четкого определения модерности при сохранении множественности ее конкретных конфигураций, используя логику семейного сходства Людвиг Витгенштейна.

Кроме того, замечает Дэвид-Фокс, концепт «особого пути» может выступать в функции мощной идеологемы, причем ее значение — позитивное или негативное — зависит от политического контекста. Существенно, что «особый путь» может служить действенным оправданием «запаздывающего развития», прежде всего экономического, но одновременно стимулировать глубокую критическую рефлексию над собственным прошлым, как это случилось в послевоенной Германии. Он выступает как предмет национальной гордости, но одновременно — как в перестроечную эпоху в СССР — оказывается негативно нагруженным понятием, когда «нормальность» становится гораздо более желанной целью. В этой перспективе «особый путь» — уникальное понятие, прекрасно вписывающееся как в консервативную риторику отказа от радикальных реформ, основанных на импорте институтов, так и в отчетливо реформистский модернизационный дискурс, который учитывает национальные особенности для достижения целей модернизации.

Заметим, что обе очерченные функции концепта «особый путь» (методологическая и идеологическая) связаны между собой: на самом деле, идеологическая составляющая способна стимулировать продуктивные исторические размышления. Собственно, именно это и произошло в Германии после 1945 года, когда осмысление нацистского опыта подхлестнуло развитие сравнительных исследований и породило серьезную историографию, для которой понятие «Sonder-

weg» оказалось центральным¹². «Особость» не существует вне сопоставления — как националистически-пристрастного, так и научно-нейтрального: разумеется, для того чтобы определить уникальность того или иного пути развития, необходимо прежде поставить его в ряд с другими аналогичными сценариями.

Таким же образом можно предположить, что концепция множественных модерностей, генетически связанная с понятием «особые пути» (во множественном числе), также содержит в себе мощное компаративное ядро, подразумевающее, что «модерность» все-таки имеет собственный набор признаков, наличие или отсутствие которых в экономике, политике или идеологии того или иного государственного образования может свидетельствовать в пользу его близости к общей идее «модерна». Описанное сопоставление помогает понять, что множественные модерности не могут выступать в функции самодостаточной объяснительной матрицы, поскольку сами являются продуктом сложного процесса взаимодействия связанных друг с другом государств и компаративного анализа различных траекторий развития. Выявление сходств и различий формирует национальную идентичность в широком смысле слова и одновременно позволяет очертить семейные сходства современных, современных обществ.

Дэвид-Фокс указывает на некоторую размытость границ модерности в рамках подходов множественных и переплетенных модерностей. Представляется, что более адекватным методологическим подходом в этой связи будет использование логики семейного сходства Витгенштейна. Так, мы можем говорить о некотором наборе из 7—10 ключевых характеристик модерности, одновременное наличие даже нескольких из которых позволяет рассуждать об обществе модерности. Конкретный набор, конечно, также будет предметом дискуссии. Однако рискнем предположить, что урбанизация, развитие науки, переход к всеобщей грамотности, требования политического представительства, развитие средств массовой коммуникации, личная гигиена как массовая норма, переход к письменным правилам для регулирования поведения сотрудников государственного аппарата и частных компаний, развитие денежных и контрактных отношений, включение в международную торговлю, индустриализация, проектирование будущего, уважение частной собственности, независимый суд — все это может быть с большой степенью достоверности отнесено к ключевым характеристикам модерности. Историческая последовательность освоения и освоенный набор этих институтов могут существенно различаться и не предполагают жесткой системной логики. В этом смысле XVIII—XX века в отечественной истории дают основания говорить о наличии множественных линий как модернизации, так и архаизации общественных отношений, всякий раз приобретающих новый смысл в конкретной исторической конфигурации. В таком случае термины «архаизация» и «традиционализм» представляются фундаментально ошибочными (в смысле предполагаемой линейности общей логики истории), когда они применяются к периодам, внутри которых происходят существенные трансформации общественных отношений.

Наконец, мы хотели бы отметить особую тематику, связанную с проблемой модернизации и модерности в России, которая в явном виде не отражена в об-

12 Подробнее об этом см. в сборнике под редакцией А.Л. Зорина и авторов настоящей заметки, посвященном концепту «особый путь» в идеологии и историографии, который в настоящий момент готовится к печати в издательстве «Новое литературное обозрение».

зоре, но может существенно дополнить наше понимание специфики российского пути к современности. Внимание к дисциплинарным практикам Нового времени в двух классических исследовательских парадигмах Мишеля Фуко и Норберта Элиаса позволяет (скорее критически в перспективе Фуко или скорее нейтрально-благожелательно в перспективе Элиаса) осмыслить процесс перехода к формам модерности на микроуровне. Для истории Российской империи и СССР анализ этих практик позволяет говорить о формировании особого антропологического типа субъекта, который осваивает не только вменяемую ему новую субъектную дисциплину, но и разнообразные техники уклонения и избегания (Олег Хархордин, Игал Халфин, Алексей Юрчак). Возможно, в этой хитрости, склонности к побегу и лукавности русского крестьянина (Джордж Яней, Владимир Мавродин, Александр Прохоров) или двоемыслии нового советского человека (Юрий Левада) находится последнее убежище нашего «особого пути» в дисциплинирующей и освобождающей модерности. В одной из недавних книг Лев Гудков предлагает одновременно телеологическое и критическое понятие «абортивной модернизации» для осмысления массовой реальности «раздвоенного» и даже безответственного субъекта, возникшего как реакция на советскую модернизацию в современном нам контексте. Мы полагаем, что внимательный и сочувствующий взгляд на этот, по сути, современный тип поведения может также оказаться продуктивным.

Кирилл Кобрин

Modernité — от женского парфюма до беговой дорожки

Kirill Kobrin

Modernité — From Women's Perfume to the Treadmill

Споры о «модерности» (такую русскую версию понятия *modernity* я буду здесь использовать в целях экономии времени и для вящей читабельности) странным образом воспроизводят многие важнейшие дискуссии вокруг ключевых историко-философских и социологических понятий в последние полтора века. Когда Бодлер подхватил случайно придуманное Шарлем Нодье и Франсуа Шатобрианом существительное *modernité*, в других странах спорили об Абсолютном Духе, воплотившемся в прусском государстве, и всю обсуждали классовую борьбу, а также призрак коммунизма, который вот-вот завершит капитализм — и историю как таковую¹³. Споры гегельянцев и марксистов (или «марксидов», как называл их недоброжелатель Герцен) были вызваны не-

13 Подробнее об этом — в первой главе нашей книги: [Кобрин 2015].